



Подсекальников — актер Дмитрий Плеханов. Фото Олега Чекушкина, Алтайский краевой театр драмы имени В.М. Шукшина

Эрдман, бабушки-старушки

Краевой театр драмы поставил «Самоубийцу» Николая Эрдмана

Ставить Эрдмана — это вам не плюшки со стола таскать. «Самоубийца», вне всяких сомнений, — прекрасная пьеса, одна из лучших не только в отечественной, но и в мировой драматургии; но она же — из сложных.

Местами — непреодолимо смешная, местами — пронзительно-грустная, местами страшная, вся целиком — тонкая и умная, — какая угодно, только не простая. Тот факт, что Эрдман до сих пор малоизвестен широкой публике, не снижает его котировки, скорее, наоборот: такой вот он, Эрдман, — не для всех. Более полувека пьесы замалчивали, до сих пор постановки «Самоубийцы» можно пересчитать по пальцам, и каждая из них — событие. И для любого театра ставить Эрдмана — это вызов и амбиция.

Но театр — это вообще институция амбициозная, в отличие, например, от того же кинематографа, куда более демократичного. Так что амбиции здесь — это, пожалуй, аргумент «за», а не «против». Такой премьерой можно гордиться, а театр и режиссер (Алексей Логачёв) заслуживают «спасибо» уже за это одно — за дерзновение. Совсем приятно, что дело не ограничилось амбициями: спектакль в целом получился достойный.

Чуть-чуть о банальном: театральная постановка — всегда диалог режиссера с автором. Иногда диалог оборачивается спором и батальей, но нынешний «Самоубийца» — не тот случай. Тут уместнее слово «роман»: режиссер в автора влюблен, это чувствуется и это, пожалуй, подкупает. Здесь пиетет и почти никакого нахальства: спектакль следует за текстом пьесы (а в ней-то нахальства хватает!), сохраняя все ее значимые позиции, оберегая авторскую интонацию. Может быть, следует даже чересчур старательно: второе действие получилось несколько перегруженным и затянутым. Впечатление в итоге оказалось немного смазанным, и это досадно, учитывая, что ко второму акту пьесы Эрдмана разгоняется, достигает кульминации, смещаясь из области комедии в трагическую плоскость. Трагедией, видимо, решено было зритель, по возможности, не пугать: сгущающийся мрак происходящего на сцене были призваны развеять интермедии со старушками, чья роль по сравнению с оригинальным текстом была существенно расширена. Бабушки в итоге сильно напомнили незабвенных Веронику Маврикиевну и Авдотью Никитичну, только с внезапно

пробудившимися акробатическими способностями. Что сказать — публика была довольна.

Актеры, как и следовало ожидать, отыграли по-разному. Исполнителей главных ролей упрекнуть не в чем: они выложились полностью, с абсолютной самоотдачей.

Несколько слов о сценографии: декорации, свет, звук, костюмы — здесь, пожалуй, все на высоте. Мрачная, в графитовых оттенках, сцена со смещенной перспективой выглядит в самом лучшем смысле слова внушительно. Хорошо вписались в сцену и березки, которые на предварительных фотографиях вызвали недоумение: благодаря им интерьер квартиры Подсекальниковых приобрел дополнительное измерение, этаким храмом с колоннами, светлыми, но живыми. В целом условное оформление хорошо рифмуется с условностью действия пьесы, покатым пол — с неустойчивостью мира ее героев. Герои, пусть с трудом, но на ногах держались, стулья иногда падали. Было ли это частью режиссерского замысла либо действием бесконтрольного закона тяготения — осталось тайной. ■